

Андрей МАЛЬГИН

КОНСТАНТИН ЛЕОНТЬЕВ И КРЫМ

Теме места и значения Крыма в становлении русского национального самосознания еще предстоит стать предметом всесторонних исследований. Однако уже теперь мы можем сказать о том, что место это было отнюдь не последним. Это связано не только с той ролью, которую сыграл полуостров в деле христианизации Руси, но и с той, которая была уготована ему в восточной политике империи в конце ХУШ-ХІХ вв. Крым был одним из главных инструментов в разрешении Восточного вопроса. Восточный же вопрос является тем неперменным контекстом, в котором, собственно, и состоялась «русская идея». Далеко не случайно, что именно в Крыму прожил последние годы и остался навечно Данилевский, как не случайно и то, что с Крымом оказалась связанной судьба Константина Леонтьева. О Леонтьеве мы знаем почти так же мало, как и о Крымской войне, в которой ему пришлось принять участие, и ее последствиях, в том числе и для отечественной культуры. Пусть эта заметка послужит пробуждению интереса как к тому, так и к другому.

Когда Леонтьев прибыл в Крым при самом начале кампании, ему было 23 года от роду. Позади оставались Московский университет, удачный литературный дебют (его приветил сам Тургенев), салоны и несчастная любовь, время, наполненное «изнурительным самоанализом» и душевными потрясениями. Сам Леонтьев говорил о том, что в Крым его привело желание избавиться от «терзавшей меня в Москве жестокой хандры», к которому мы непременно прибавим тягу к сильным впечатлениям, которая так заметна в его творчестве. 18 мая 1854 г. Леонтьев получает досрочно степень лекаря и Высочайшим приказом направляется в Белевский егерский полк «баталионным врачом». В августе месяце его назначают младшим ординатором в Керчь-Еникальский военный госпиталь, и в сентябре «ученый и до болезненности размышляющий юноша» приезжает в Крым.

Керчь была тыловым городом, и первоначально служба не очень обременяла молодого ординатора. Довольно унылая по нашим меркам местность произвела неизгладимое впечатление на непривычного, но чувствительного к экзотике Леонтьева: «...страна вовсе новая, полудикая, живописная... холмы то зеленые, то печальные... красивые армянские и греческие девушки. Встречи новые... Одинокие прогулки по скалам... Татарские бедные жилища. Воспоминания о страсти еще не потухшей, о матери далекой, о родине русской», — так впоследствии описывал он свои ощущения. На

беспросветность тыловой жизни, нехватку жалования, невозможность продолжать занятия литературой он закрывает глаза. Когда лазаретная обыденность ему надоедала окончательно, он вспоминал «с ужасом» проведенные в Москве годы, и дух его укреплялся. Не собираясь сидеть в тылу, он добился перевода в 45 Донской казачий полк. Последнее впечатление от Керчи — события 25 мая 1855 г., когда город был внезапно захвачен союзными войсками, — были блестяще затем описаны им в воспоминаниях.

С переводом в полк начинается для Константина Николаевича новая жизнь. Он носится с донцами по степи и посылает письма к матери из забытых Богом селений, названия которых ничего не говорят русскому уху — Арчин, Келеш-Мечеть, Биок Хаджилар... «Я, — вспоминал он впоследствии, — ...благословлял и дождь, который поливал меня в Крыму, и жар, который томил, и сотни мышей, которые съели у меня шинель, и степных жаб... и лазаретные ужасы, и укрепляющие душу встречи с чужими, смелыми людьми». После того, как в июле русскими войсками был оставлен Севастополь и военные действия практически прекратились, последовали новые перемещения Леонтьева по службе. Осенью он был прикомандирован к феодосийскому военно-временному госпиталю, «потом, — говорит он, — через ссору с начальником меня перевели среди зимы в Карасу-Базар, где люди сотнями гибли от тифа, лихорадки и гангрены, где, что ни полчаса, то звонили в церквах для покойников, где из 14 врачей на ногах были двое, а остальные... уже в гробу или в постели». Оттуда он снова попадает в Феодосию, возвращается в полк.

Наконец его направляют в Симферополь, в главный военный госпиталь. Тут пришлось пережить ему одно замечательное приключение, которое он описал позже сам: «Мимоходом я увез одну девушку от родителей. ...Мы были без паспорта, в Карасу-Базаре нас задержали; мою бедную подружку хотели посадить в полицию, но я обнаружил в защиту ее столько энергии и решимости, что никто не решился на этот шаг; но целый день и ночь стояла стража у дверей наших...». Этой девушкой была Елизавета Политова — полуграмотная феодосийская красавица-гречанка, В 1863 году она станет женой Леонтьева. В Симферополе, наводненном ранеными и больными, дел ему было предостаточно. Он живет то впроголодь («три дня я ел только черный хлеб»), то в достатке; то на тихой даче «на берегах веселого Салгира» в немецкой семье, то «на другом конце города, в солдатской слободке, в маленьком доме вдовы Бормушкиной» («...Моя беглянка опять со мной»). Здесь, в слободке, его находит вдруг старый московский приятель, богач-помещик И.О. Шатилов, с его помощью Леонтьев и Лиза совершают путешествие по Южному берегу. В октябре 56-го года Константин Николаевич получает долгожданный отпуск на полгода. Воспользовавшись приглашением своего приятеля, он решает провести его в шатиловском имении Тамак на Сиваше.

Какое же значение имели три крымских года (он покидает полуостров в августе 57-го) для Леонтьева? Их следы очень заметны в его творчестве. Здесь была написана пьеса «Трудные дни», Крыму посвящены повес-

ти «Сутки в ауле Биюк-Дортэ» и «Ай-Бурун», мемуары «Сдача Керчи в 55 году», многие страницы воспоминаний «Мои дела с Тургеневым» и «Моя литературная судьба». Сам Леонтьев говорил часто, что не знает, как сложилась бы его жизнь, не окажись он участником и свидетелем крымской драмы, столь важной для судеб России. До конца своих дней он мечтал о том времени, когда духовный центр империи переместится со скудных болотистых равнин Финляндии на роскошные берега Понта, к обоим Босфорам — туда, где в минувшем столетии бился нерв и европейской и азиатской жизни.

Симферополь, 1991.

